

Годъ изданія четвертый.

АПРѢЛЬ.

№ 12.

1911.



ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

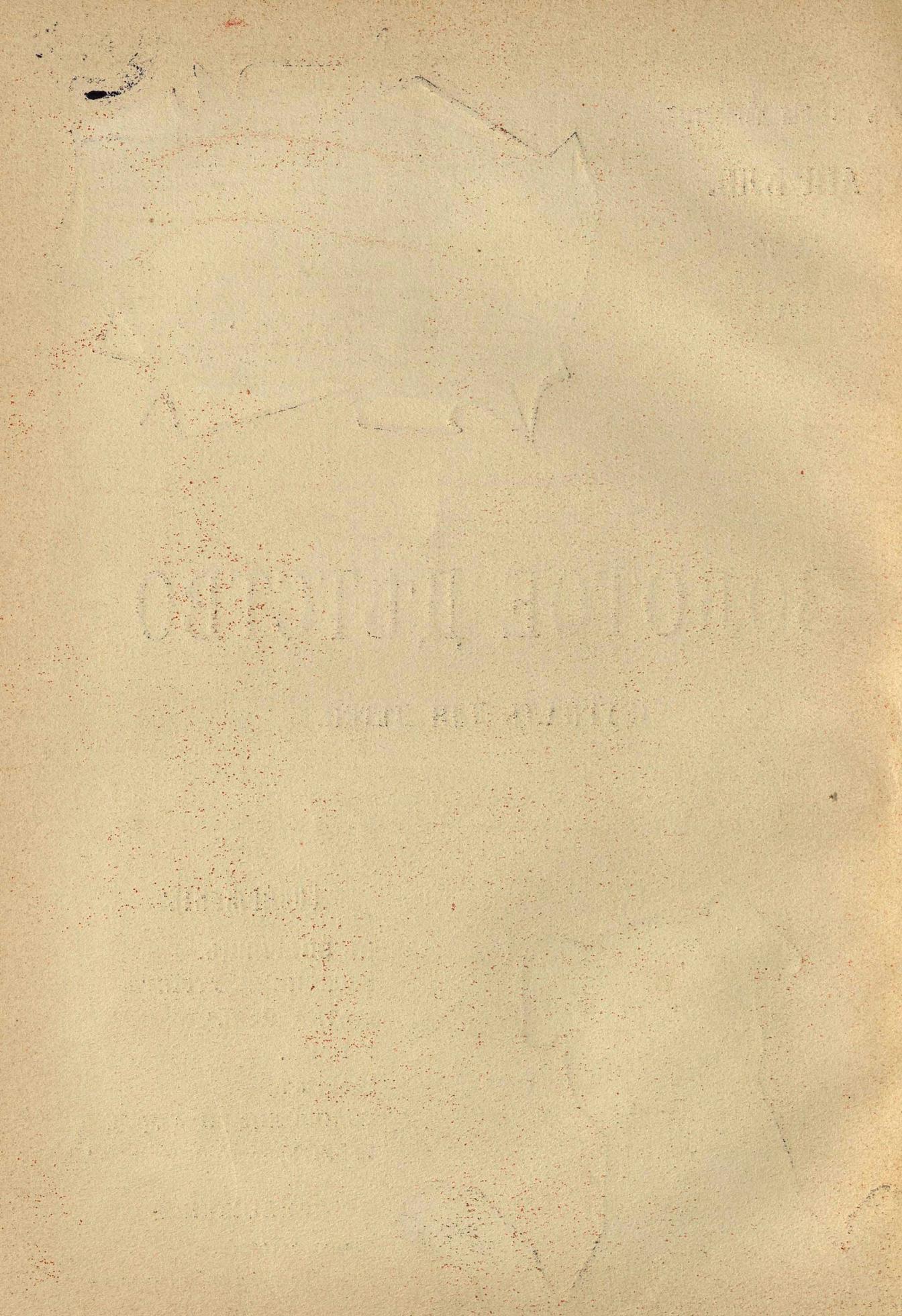
СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.
ВЕСЕННИМЪ УТРОМЪ.
МЪТКА „Е. И.“
У РЪКИ.
ШАРИКЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Игра въ автомобили.
Выкройка рубашки для дѣвочки.







Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

Продолжается подписка
на художественно-литературный журналъ для дѣтей
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“
подъ редакціей **М. П. ЧЕХОВА.**

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 нум. въ годъ).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ **ТРИ руб. 80 к.**

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.

== ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ. ==

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.



Онъ приносилъ молоко и кормилъ своихъ воспитанниковъ изъ рожка.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

Когда бѣлый медвѣдь умолкъ, то въ звѣринцѣ водворилось всеобщее молчаніе. Слышно было только, какъ завывала метель, да стонали и покрхтывали небольшія животныя. Въ клѣткахъ львовъ и леопардовъ попрежнему свѣтились зеленые огоньки. Это были ихъ глаза.

— Отчего вы не спите? обратился къ нимъ слонъ. Вотъ ужъ сколько лѣтъ я гляжу на васъ, просыпаясь по ночамъ, и всякій разъ вижу ваши зеленые глаза.

— Мы никогда не спимъ по ночамъ, отвѣтилъ ему левъ. — Господь создалъ насъ такъ, что мы всю ночь должны добывать себѣ ѣду. Вѣдь мы — кошачьей породы и видимъ въ темнотѣ лучше, чѣмъ всѣ другія животныя... Здѣсь намъ не нужно добывать себѣ пищи, насъ здѣсь кормятъ дохлой кониной, но все таки мы и здѣсь не можемъ спать по ночамъ и все время тоскуемъ и глядимъ.

— О чемъ-же ты тоскуешь?

— О томъ-же, о чемъ и ты. О потерянной свободѣ.

— Какъ-же ты сюда попалъ?

Левъ поднялся, встряхнулъ своей косматой гривой, хлопнулъ по бокамъ сильнымъ хвостомъ и снова улегся вдоль тѣсной клѣтки, вытянулъ впередъ переднія лапы и положилъ на нихъ свою громадную, косматую голову.

— Я родился въ южномъ Египтѣ началъ левъ свой рассказъ, — тамъ, гдѣ пустыня переходитъ уже въ горы и гдѣ рѣдко встрѣчаются люди. Вся та мѣстность была покрыта густымъ кустарникомъ, сквозь который протекалъ узенькій, прозрачный ручеекъ. Моя мать и отецъ жили парой въ логовищѣ среди этихъ кустарниковъ, вырытомъ ихъ-же лапами въ землѣ и представлявшемъ неглубокую яму, похожую на громадное блюдо. Изъ этого логовища они каждую ночь отправлялись на охоту, но далеко не заходили и каждое утро, сытые, возвращались домой. Вообще левъ не любитъ заходить далеко.

Когда я и моя сестра появились у нихъ на свѣтъ, то мы были величиной всего только съ домашнюю кошку и были совершенно полосатые, какъ тигрята. Впоследствии эти полосы на насъ полиняли и мы стали совершенно свѣтлыми. Грива была только у нашего отца. Ни у матери, ни у меня съ сестрой гривъ не было вовсе. Въ отличіе отъ прочихъ животныхъ мы родились уже зрячими и тотчасъ-же принялись играть съ матерью. Чего только мы не вытворяли съ ней! Мы хватили ее за уши, за морду, мы вспрыгивали къ ней на спину, дер-

гали ее за хвостъ и она терпѣливо играла съ нами и ласково лизала насъ своимъ щетинистымъ языкомъ.

— Ну теперь я долженъ тебя кормить! обратился къ моей матери отецъ.—У тебя теперь малыши, ты должна оставаться съ ними и оберегать ихъ, а ужъ я позабочусь о васъ одинъ!

И каждый вечеръ, едва только заходило солнце, онъ отправлялся на охоту и возвращался домой только на разсвѣтѣ съ обильной добычей въ зубахъ. То онъ приносилъ нашей матери половину жираффа, то дикую козу, то теленка, и она долго лизала ихъ, прежде чѣмъ съѣсть. И мы замѣчали, что когда она слизывала съ нихъ кровь, то на щеткѣ ея языка оставались и куски мяса, такъ что по мѣрѣ слизыванія крови, уничтожалось и самое мясо. Я-же и сестра только сосали материнское молоко.

Возвращаясь на разсвѣтѣ съ добычей, нашъ отецъ влѣзалъ на какую-нибудь высоту и, положивъ добычу около себя, три раза громкимъ рыканіемъ привѣтствовалъ восходъ солнца и эхо вторило его голосу въ далекихъ горахъ и казалось, что это гремитъ громъ. Затѣмъ онъ бралъ добычу и несъ ее къ нашей матери.

— Сегодня мнѣ особенно удалась охота.. какъ-то разъ сказала онъ ей, укладываясь около нея

на ночлегъ.—Я бродилъ около источника всю ночь и совсѣмъ было отчаялся на успѣхъ, но, къ счастью, встрѣтился съ двумя знаковыми львами. Они тоже вышли на добычу. Мы стоворились съ ними и отправились всѣ втроемъ. Завидѣвъ вдаль жираффовъ, шедшихъ на водопой, мы рѣшили поступить такъ: двое изъ насъ подползуть къ стаду сзади на животахъ и все время будутъ слѣдовать за ними, а третій спрячется за камень и будетъ ожидать. Какъ только жираффы приблизятся къ нему, такъ онъ тотчасъ-же вскочитъ на камень и зареветъ во весь свой могучій голосъ. Тогда жираффы испугаются его и шарахнутся въ беспорядкѣ назадъ, прямо на насъ. Такъ оно вышло. Я и мой товарищъ поползли за стадомъ на животахъ и когда третій нашъ товарищъ заревѣлъ, то жираффы такъ испугались, что цѣлымъ стадомъ попались въ наши лапы.

Въ другой разъ отецъ вернулся ни съ чѣмъ и былъ взволнованъ.

— Что съ тобой?—спросила его мать.

— Возвращаясь сюда, я видѣлъ человѣка, отвѣтилъ онъ.—Онъ шелъ одинъ съ маленькимъ ребенкомъ. Я испугался его и убѣжалъ.

— Почему-же ты на него не напалъ?

— Онъ шелъ въ сторонѣ и не трогалъ меня. Мы благородны и первые никогда не вступаемъ въ

борьбу съ людьми. Ихъ дѣтей мы не трогаемъ никогда. Другое дѣло, если-бы человѣкъ задумалъ меня обидѣть!.. Тогда я ему этого не простилъ-бы никогда.

Отецъ приходилъ съ охоты по утрамъ и тотчасъ-же укладывался спать и просыпался только передъ заходомъ солнца. Наоборотъ, наша мать бодрствовала съ нами весь день, глядѣла, какъ мы играли между собой, и радовалась на насъ. Мы были совершенно безпомощны, едва держались на ногахъ, но все-таки играли и были счастливы безконечно. Мы мяукали, какъ кошки, и наша мать отвѣчала намъ радостнымъ ворчаніемъ.

Но вотъ однажды, отправившись на охоту, отецъ вовсе не вернулся къ намъ по утру. Мать встревожилась. Цѣлый день мы ожидали отца и оставались безъ пищи. Мать не ѣла ничего. Онъ такъ и не являлся. На другія сутки мать отъ голода потеряла для насъ молоко и рѣшилась отправиться на добычу сама. Всю ночь мы провели безъ нея. Намъ было холодно и мы хотѣли ѣсть. Къ утру вернулась къ намъ наша мать. Она была сыта, но въ то-же время и печальна.

— Вашего отца уже нѣтъ въ живыхъ! сказала она намъ. — Его убилъ человѣкъ. Сосѣдніе львы сообщили мнѣ, что здѣсь появилось много людей, которые охотятся за нами. Мы не причинили

имъ никакого зла, но они за что-то ненавидятъ насъ, преслѣдуютъ и убиваютъ,..

И съ этихъ поръ мы уже не слышали по утрамъ величественнаго рыканія нашего отца, возвращавшагося съ добычей, и горы уже не отвѣчали своимъ эхо на его могучій голосъ. Каждый вечеръ мать должна была теперь отправляться за добычей и оставляла насъ на всю ночь однихъ.

Однажды мать задержалась на охотѣ дольше, чѣмъ обыкновенно. Вѣроятно, уходила куда-нибудь далеко. Уже взошло солнце, а она все еще не приходила и мы оставались одни. Какъ вдругъ послышался страшный топотъ и раздались человѣчьи голоса. Мы открыли глаза и увидали арабовъ, скакавшихъ на громадныхъ, одногорбныхъ верблюдахъ. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ насъ, отсталъ отъ своихъ товарищей и, остановивъ своего верблюда около нашего логова, спрыгнулъ съ него на землю, подскочилъ къ намъ и схвативъ меня и сестру на руки, влѣзъ на верблюда и помчался далѣе.

— Славные львята! ворчалъ онъ себѣ подъ носъ. — Я выкормлю ихъ и за дорогую цѣну продамъ!

Мы испугались такъ, что едва могли дышать. Въ это время сзади насъ послышался ужасный ревъ. Это вернулась наша мать и, не найдя насъ, бросилась по слѣдамъ за нами въ погоню. Мы видѣли ее,

мы видѣли, какимъ горемъ было искажено ея лицо, и намъ хотѣлось къ ней и мы безмолвно умоляли нашего похитителя отпустить насъ на волю и бросить насъ къ матери. Но замѣтивъ за собою погоню, онъ сунулъ насъ въ мѣшокъ, болгавшійся у

увидѣли себя въ хижинѣ, похотившей на лачугу, сплетенную изъ пальмовыхъ вѣтвей, и не знали, что дѣлать. Намъ очень хотѣлось ѣсть. Тогда нашъ хозяинъ кинулъ въ уголокъ охапку соломы и зашвисталъ:

— Дина! Дина! закричалъ онъ.



Она ласково смотрѣла на своихъ пріемныхъ дѣтей.

верблюда на боку, обернулся назадъ и два раза выстрѣлилъ въ нашу мать. Мы слышали затѣмъ ея предсмертный ревъ и поняли, что навѣки остались круглыми сиротами.

Насъ привезли въ арабское поселеніе и вынули изъ мѣшка. Мы

На его зовъ въ хижину вошла большая собака и завилыла ему хвостомъ.

— Ложись тутъ! указалъ онъ ей на солому.

Она легла, онъ подложилъ насъ къ ней и—милая, добрая собака!— она приняла насъ къ себѣ, какъ

своихъ родныхъ щенятъ, и дала намъ себя пососать. Мы были голодны, ея молоко не нравилось намъ. Но мы скоро къ нему привыкли и уже больше не могли обходиться безъ нашей новой матери. И она сама ласково смотрѣла на своихъ пріемныхъ дѣтей, лизала насъ и виляла хвостомъ. Бѣдняжка! Она тоже лишилась своихъ щенковъ, ихъ утопилъ въ ведрѣ человекъ, и теперь она была рада намъ и ей нравилось, что около нея копошились мы.

Львята сосутъ материнское молоко около двухъ лѣтъ. Мы росли не по днямъ, а по часамъ и скоро у нашей собаки не стало хватать для насъ молока. Она похудѣла, кожа отвисла на ней такъ, что намъ жалко было на нее глядѣть. Тогда нашъ хозяинъ-арабъ снова положилъ насъ въ мѣшокъ и понесъ насъ куда-то далеко. Когда мы снова увидали свѣтъ, то передъ нами разстилалось громадное безбрежное море. Мы сидѣли въ корзинѣ и не понимали, что съ нами будутъ дѣлать. Вскорѣ насъ внесли на пароходъ и мы закачались по волнамъ. Всю дорогу насъ кормилъ молокомъ изъ рожка какой-то бѣлый человекъ, какъ кормятъ маленькихъ дѣтей, когда у нихъ нѣтъ матери или не хватаетъ материнскаго молока. Онъ кормилъ насъ по нѣскольку разъ въ день и мы нѣжно къ нему привязались. Звали его Артуръ.

— Ахъ, вы несчастныя созданія; часто говорилъ намъ Артуръ и ласково насъ щекоталъ. — Какая горькая жизнь ждетъ васъ впереди!

Насъ привезли въ Европу, посадили въ клѣтку и стали ожидать, когда пройдутъ три года, когда мы сдѣлаемся взрослыми львами и насъ можно будетъ продать подороже. И всѣ эти три года насъ кормилъ нашъ милый добрый Артуръ. Онъ приносилъ молоко и кормилъ своихъ воспитанниковъ изъ рожка. Мы жадно набрасывались на коровье молоко и выпивали его въ день по нѣскольку бутылокъ, потому что быстро росли.

Къ концу перваго года мы потеряли тѣ темныя полоски на тѣлѣ, благодаря которымъ были похожи на тигрятъ, къ концу втораго у меня и у сестры выросли кисточки на хвостахъ, а къ концу третьяго на мнѣ выросла отличная густая грива и я сталъ настоящимъ львомъ.

Тогда пришли какіе-то незнакомые люди, купили насъ, разсадили насъ въ разныя клѣтки, сестру увезли куда-то въ зоологическій садъ, а меня треплютъ съ тѣхъ поръ по разнымъ звѣринцамъ, въ которыхъ мнѣ холодно и даютъ ѣсть дохлую конину, къ которой я чувствую отвращеніе.

Переѣзжая изъ города въ городъ, я долго тосковалъ объ Артурѣ. Мнѣ въ моихъ несчастіяхъ не хватало его и всякій разъ, когда къ моей клѣткѣ подходилъ кто-нибудь, по-

хожій на него, то я бросался къ нему на встрѣчу и больно ушибалъ себѣ грудь и лицо о желѣзныя прутья рѣшетки. Но Артуръ все не приходилъ. Только онъ одинъ могъ свободно входить ко мнѣ въ клѣтку, всѣхъ-же другихъ я возненавидѣлъ. Теперь я былъ силенъ и могучъ и не допустилъ-бы къ себѣ въ клѣтку никого. Я не люблю людей за то, что они радуются нашимъ несчастьямъ и даже платятъ деньги за то, чтобы лишній разъ на нихъ посмотреть.

Однажды насъ привезли въ Парижъ. Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ Артуромъ и съ сестрой. Я примирился уже со своей жизнью въ тюрьмѣ и только ждалъ своего конца, когда я умру или-же когда меня убьетъ человекъ. Случилось такъ, что въ это время въ Парижѣ давалъ представленія какой-то укротитель звѣрей. Онъ привезъ съ собою своихъ двухъ львовъ, къ которымъ входилъ въ клѣтку и которыхъ больно стегалъ хлыстомъ. Чтобы получить съ публики побольше денегъ, нашъ хозяинъ пригласилъ его со львами давать представленія въ нашемъ звѣринцѣ. Случилось такъ, что въ самый день представленія, утромъ одинъ изъ его звѣрей околѣлъ. Такъ какъ по глупому обычаю людей, укротитель звѣрей долженъ былъ давать представленія не съ однимъ львомъ, а съ двумя или съ нѣсколькими, что-

бы доказать, что для него представляло больше опасности быть заживо съѣденнымъ звѣрями, то мой хозяинъ и онъ рѣшили посадить меня въ клѣтку къ нему. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ укрощать насъ двоихъ. Меня посадили въ клѣтку къ чужому льву, а затѣмъ, когда настала вечеръ и началось представленіе, то при всеобщихъ кликахъ восторга нашъ укротитель вошелъ къ намъ въ клѣтку и сталъ что-то приказывать намъ дѣлать. И я увидѣлъ, какъ послушно исполнялъ его левъ его приказанія. Я-же не понималъ ничего. Тогда онъ пнулъ меня ногой. Это обидѣло меня и я заворчалъ. Онъ что-то сказалъ мнѣ, но я вновь ничего не понималъ. Тогда онъ размахнулся и изъ всѣхъ силъ ударилъ хлыстомъ меня прямо по лицу. Кровь брызнула у меня изъ разсѣченной хлыстомъ брови. Я оскорбился, засверкалъ глазами и попятился отъ него назадъ.

— Ты у меня сдѣлаешь то, чего я хочу! закричалъ на меня укротитель и сталъ изо всѣхъ силъ поражать меня бичемъ.

Тогда чаша моего терпѣнія переполнилась. Играла музыка, публика шумѣла и кричала „браво“ и мнѣ было досадно, что она радовалась тому, что меня такъ унижали. Я заревѣлъ, оскалилъ зубы, выпустилъ когти, бросился на своего врага, повалилъ его и подмялъ его подъ себя.



Въ Южной Америкѣ.



Жаворонокъ прилетѣлъ

Я не знаю, чѣмъ-бы кончилось все это представленіе, если-бы среди публики вдругъ не раздавался ласковый знакомый голосъ.

— Маркизь! закричалъ этотъ голосъ.— Неужели это ты?

Меня звали Маркизомъ. Я поднялъ голову отъ своей жертвы и оглядѣлся вѣкругъ. Передо мною стоялъ онъ, мой ненаглядный Артуръ. Какъ онъ измѣнился! Теперь ужъ онъ былъ сѣдой и по его лицу были разсѣяны морщины. Онъ вѣбжалъ ко мнѣ въ клѣтку, я вскочилъ на ноги и бросился къ нему, онъ сталъ меня ласкать, обнимать, а я позабылъ уже о своей жертвѣ и готовъ былъ слѣдовать за нимъ, какъ вѣрная собака. Онъ вышелъ изъ клѣтки и поманилъ меня за собой. Я послушно вышелъ за нимъ и покорно побрелъ туда, куда пошелъ и онъ. Но публика испугалась меня, бросилась бѣжать, начался беспорядокъ, подбѣжали служители, набросили на меня арканъ, перегнали меня въ мою клѣтку и съ тѣхъ поръ я Артура уже больше не видѣлъ никогда. Говорили послѣ, что я очень помялъ укротителя львовъ и его прямо изъ звѣринца повезли въ больницу, а скромный Артуръ незамѣтно скрылся въ толпѣ. Мой тихій, послушный выходъ изъ клѣтки произвелъ переполохъ. Точно я хотѣлъ кого-нибудь загрызть!

Послѣ этого я тяжело заболѣлъ. У меня случилось воспаление лег-

кихъ и я тяжело метался въ своей клѣткѣ въ жару. Цѣлые два мѣсяца я лежалъ, какъ пласть, и не могъ подняться, чтобы даже полакать воды. Мнѣ вливали ее въ ротъ. Ночью прибѣгали ко мнѣ въ клѣтку крысы и больно кусали меня за лапы. Тогда содержатель звѣринца впустилъ ко мнѣ въ клѣтку маленькую собачку, которая умѣла ловить крысъ. Она быстро избавила меня отъ моихъ враговъ и мы съ нею скоро сдружились. Я сталъ выздоравливать и она близко подползала ко мнѣ и прижималась своимъ тѣломъ къ моему. Я согрѣвалъ ее и мнѣ было пріятно, что я былъ не одинъ. А когда я выздоравлѣлъ совсѣмъ, то мы вмѣстѣ съ нею играли, какъ малые ребята.

И нашъ содержатель звѣринца сдѣлалъ изъ этой нашей привязанности другъ къ другу себѣ доходную статью.

— Сверхъестественное чудо! кричалъ онъ на улицѣ, зазывая въ свой звѣринецъ праздныхъ зѣвакъ.— Дружба льва съ маленькой собачкой! Всего только двадцать копѣекъ за входъ!

И публика валомъ валила въ звѣринецъ и, разинувъ рты, глядѣла на мою подругу и меня. Точно дружба никогда не была знакома людямъ и они платили деньги, чтобы только поглядѣть на нее хоть однимъ глазкомъ.

Черезъ годъ собачка околѣла и я снова остался одинъ. Теперь я

старь и одряхлѣлъ, я уже не такъ красивъ, какъ былъ, грива лѣзетъ изъ меня клочками и я чувствую, что близко ужь мой конецъ. И когда вы увидите, что она вылѣзла уже вся, то это будетъ значить, что недалеко уже моя смерть...

Левъ поглядѣлъ въ темное пространство передъ собою, положилъ голову на лапы и тяжело вздохнулъ.

Двѣ огромныя слезы покатались у него изъ глазъ.

— Какая глупая, ничтожная наша жизнь! воскликнулъ онъ и отвернулся къ стѣнѣ.

Вѣтеръ еще сильнѣе загудѣлъ снаружи и погналъ передъ собою цѣлыя тучи сухого холоднаго снѣга. Было холодно и неуютно.

С. Вершининъ.



ВЕСЕННИМЪ УТРОМЪ.

Рано утромъ я изъ дома
Побѣгу скорѣй на лугъ;
Какъ тропинка мнѣ знакома!
Каждый кустъ мнѣ добрый другъ.

Голосистыхъ пташекъ трели
Раздаются по кустамъ...
Вотъ цвѣточки запестрѣли,
Замелькали здѣсь и тамъ;

Все кругомъ благоухаетъ,
Свѣжъ и чистъ весны нарядъ!
Мотыльки кругомъ порхаютъ,
Пчелки милыя жужжатъ,

Вѣтеръ кудри развѣваетъ,
Будто шепчется со мной,
Птичка громко распѣваетъ...
Славно, весело весной!..

А. Н.



МѢТКА «Е. И.».

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Когда случилось столкновение „Св. Евстафія“ съ какимъ-то иностраннымъ пароходомъ, то поручикъ Изборскій стоялъ вмѣстѣ со своей женой Анной Аркадьевной на палубѣ и всматривался въ туманную даль. Ихъ дочь Леночка

спала внизу, въ каютѣ, и около нея сидѣла ея няня и дремала. Отъ удара въ бокъ пароходъ такъ содрогнулся, что всѣ бывшіе на немъ пассажиры, въ томъ числѣ и поручикъ съ женой, повалились на полъ. Когда поручикъ поднялся и

пришелъ въ себя, то кругомъ уже царилъ всеобщій безпорядокъ, всѣ въ ужасѣ метались по палубѣ изъ стороны въ сторону и, потерявъ голову, не знали, за что ухватиться. Многія женщины попадали въ обморокъ. Гимназистъ Костя носился взадъ и впередъ и разыскивалъ своего дядю. Обезумѣвшіе отъ страха матросы не знали, что дѣлать, и плохо понимали команду капитана.

— Леночка! Гдѣ Леночка? стонала Анна Аркадьевна.

— Няня! кричалъ внизъ поручикъ Изборскій.—Няня! Иди скорѣе сюда!

И, боясь бросить жену одну, онъ кричалъ во все горло своей нянѣ, чтобы она вынесла поскорѣе Леночку наверхъ, но его голосъ смѣшивался съ командой капитана, отчаянными криками пассажировъ и шипѣніемъ пара, доносившагося изъ потревоженной машины.

— Леночка! Леночка! кричала Анна Аркадьевна.

И, видя, что времени терять было уже нельзя, что пароходъ сталъ уже погружаться въ воду, поручикъ оставилъ жену одну и бросился внизъ, въ каюту, чтобы вывести оттуда няню и дочь.

Но когда онъ спустился туда, то всѣ каюты были уже потоплены водой. Въ отчаяніи онъ выбѣжалъ наверхъ, къ женѣ, и увидѣлъ ее прижавшуюся къ рубкѣ съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ.

— Она погибла...заговорилъ онъ. —Тамъ все внизу подъ водой.... Онѣ обѣ захлебнулись...

Анна Аркадьевна почувствовала, какъ подкосились у нея ноги, какъ потемнѣло у нея въ глазахъ, и лишилась чувствъ.

— Къ лодкамъ! закричалъ кто-то. —Женщинъ и дѣтей впередъ!

Вся толпа шарахнулась къ лодкамъ и, полные животного страха за свою жизнь, пассажиры стали толкать другъ друга, толпиться и никто уже не понималъ, что дѣлалъ, и старался первымъ вскочить въ лодку....

А пароходъ все ниже и ниже опускался въ воду и неумолимыя волны уже заливали всю его переднюю часть.

Поручикъ видѣлъ, какъ въ толпѣ мелькнулъ гимназистикъ Костя и исчезъ. Онъ видѣлъ, какъ многіе пассажиры въ ужасѣ бросались съ парохода прямо въ воду, рассчитывая тамъ лучше спастись. Несчастные, они находили себѣ тамъ вѣрную смерть! И схвативъ въ охапку свою жену, поручикъ взвалилъ ее къ себѣ на плечо и, что было силъ, ринулся съ нею къ тому мѣсту, гдѣ толпа стѣснилась у лодокъ и гдѣ отъ суетоки ничего нельзя было понять.

— Пустите меня! закричалъ онъ. —Пустите меня впередъ!

И ловкимъ прыжкомъ онъ вскочилъ на бортъ, съ него—въ лодку и спустилъ съ себя свою тяже-

лую ношу. Десятки другихъ пассажировъ послѣдовали за нимъ.

— Руби веревки! крикнулъ кто-то.—Развѣ не видите, что лодки наглухо привязаны къ кораблю!

И пока разыскивали топоръ или ножъ, чтобы перерѣзать веревки, пароходъ окончательно погрузился въ воду и потянулъ за собою и лодки, пополненные пассажирами. Когда онъ скрылся съ водной поверхности и нѣсколько успокоился водоворотъ, произведенный погруженіемъ въ воду такой массы желѣза и мачтъ, то повсюду виднѣлись головы барахтавшихся пассажировъ и слышались ихъ крики о помощи.

Поручикъ крѣпко ухватилъ свою жену и поплылъ съ нею къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ въ сторонѣ иностранный пароходъ и гудѣлъ. Вотъ ужъ въ туманѣ передъ нимъ обрисовался его огромный, темный корпусъ и замигали передъ нимъ его виноватые огни.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! закричалъ поручикъ.

— Coraggio! (Смѣлѣе) крикнулъ ему кто-то по-итальянски съ чужого парохода.

Около поручика раздавался вдругъ всплескъ весель и онъ увидѣлъ передъ собою лодку иностраннаго парохода, которая плавала по мѣсту катастрофы и подбирала погибавшихъ. Онъ ухватился за одно изъ весель и его и его жену вытащили изъ воды.

Когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ себя на иностранномъ пароходѣ. Онъ шелъ на всѣхъ парахъ. Свѣтило солнце и далеко виднѣлась Одесса. Анна Аркадьевна все еще лежала безъ чувствъ. Нѣсколько пассажировъ, подобранныхъ съ погибшаго парохода, утрюмо бродили по палубѣ. Пережитая ночь оставила на ихъ лицахъ неизгладимые слѣды.

— Какое несчастье! вздыхалъ итальянецъ-капитанъ. Какое ужасное несчастье!

Затѣмъ прибыли въ Одессу и итальянецъ-капитанъ сообщилъ властямъ о томъ, что пустилъ въ ночномъ туманѣ неизвѣстный ему пароходъ ко дну. Приѣхали чиновники, началось слѣдствіе и, когда съ поручика Изборскаго и его жены сняли показаніе, то для нихъ уже ничто не было мило на землѣ и уже ничто не привязывало ихъ къ жизни: они навѣки потеряли свою дочь.

Мрачные, неутѣшные, они отправились изъ Одессы къ себѣ домой. Но и дома ихъ ничто не веселило и все напоминало имъ объ ихъ Леночкѣ: колыбелька, стоявшая въ спальнѣ около ихъ кроватей, колясочка, въ которой они катали ее по бульвару и въ которой она иногда спала, ванночка, въ которой Анна Аркадьевна ее купала.

Бѣдная женщина затосковала и стала хирѣть. Тогда поручикъ

взялъ отпускъ и повезъ ее за границу. Они объѣхали всю Европу, это немного развлекло несчастную мать, поручикъ тщательно устранялъ отъ нея вниманія все, что только могло напоминать ей о гибели Леночки, а время, этотъ всеобщій цѣлитель душевныхъ мукъ, все шло и шло,—и Анна Аркадьевна стала наконецъ улыбаться и разговѣть. Чтобы ничто не напоминало ей о пережитомъ, поручикъ Изборскій перевелся въ другой городъ и ихъ жизнь потекла своимъ обычнымъ чередомъ. Во всемъ домѣ не говорили и не читали о морѣ и о корабляхъ и ни единымъ словомъ не обмолвливались о гибели Леночки. Всѣ говорили: „Она умерла“ и ни у кого не хватило-бы силъ сказать: „Она погибла“.

Прошло семь лѣтъ и Богъ послалъ имъ утѣшеніе: у нихъ родилась дочь Вѣрочка. Они воспитывали ее, не могли на нее наглядѣться и ея щебетаніе скрашивало ихъ жизнь. И по мѣрѣ того, какъ она выростала, для нихъ неизбѣжно возникалъ вопросъ объ ея образованіи. Кому поручить ее? Въ какое учебное заведеніе ее отдать? Теперь Изборскій былъ уже полковникомъ, командовалъ батареей и цѣликомъ былъ занятъ службой. Анна Аркадьевна не безъ гордости поглядывала на свою уже десятилѣтнюю дочь Вѣрочку, но въ то же время и сознавала, что теперь ея роль воспитательницы

приходить уже къ концу. Вѣрочку нужно уже или отдавать въ гимназію, или поручить ея образованіе какой нибудь учительницѣ или гувернанткѣ, которая могла бы вести ея ученіе такъ, какъ того требовали и программа, и ихъ положеніе въ обществѣ, какъ образованныхъ людей.

И они стали публиковать въ газетахъ о томъ, что ищутъ гувернантку, но всѣ приходившія къ нимъ барышни и вдовы не могли внушить имъ къ себѣ довѣрія и дѣло кончилось тѣмъ, что увидавши однажды въ газетѣ объявленіе какой-то Елены Ивановой, искавшей себѣ мѣста гувернантки къ одной дѣвчкѣ, они написали ей наудачу письмо и пригласили ее явиться къ нимъ.

И когда Леночка пріѣхала къ нимъ то оба они, и полковникъ, и его жена, сразу-же почувствовали къ ней какое-то безотчетное расположеніе, вскорѣ-же перешедшее въ привязанность. Что-же касается Вѣрочки, то она съ первыхъ же дней прозвала ее „тетей Нелли“ и полюбила ее какъ родную, старшую сестру.

— Слава Богу! говорили Изборскіе, съ восторгомъ глядя, какъ обѣ эти дѣвушки ходили обнявшись по саду или бѣгали по комнатамъ.— Слава Богу! наконецъ-то мы нашли именно такого человека, какъ желали!

Но помимо того, что Изборскимъ

было пріятно глядѣть на дружбу ихъ Вѣрочки съ гувернанткой, Анну Аркадьевну еще очень умиляло и то, что Леночка нѣжно относилась и къ ней самой и при всякомъ удобномъ случаѣ старалась выказать расположеніе къ своей хозяйкѣ. Повинуясь какимъ-то страннымъ душевнымъ порывамъ, она вдругъ бросалась къ Аннѣ Аркадьевнѣ на шею, почему-то плакала, но не горькими, а счастливыми слезами, или-же выждавъ, когда она проходила по темному корридору, она хватала ее руку и жадно подносила къ своимъ губамъ.

— У этой дѣвушки прекрасная мягкая душа... говорила о ней своему мужу г-жа Изборская.— Съ первой же минуты я расположилась къ ней всей душой.

Полковникъ одобрительно кивалъ головою своей женѣ и былъ доволенъ.

— Да, она хорошая дѣвушка! отвѣчалъ онъ.— Въ ней есть что-то такое искреннее и правдивое, чего нѣтъ въ другихъ.

Каждое лѣто батарея уходила въ лагери, верста за сто отъ того города, гдѣ проживали Изборскіе. Чтобы не разставаться на такое долгое время, вся семья переѣзжала обыкновенно на дачу, въ барскую усадьбу, находившуюся верстахъ въ восьми отъ лагерей, которую снимали уже нѣсколько лѣтъ подрядъ. Вѣрочка привыкла

къ ней такъ, точно она была ихъ собственная, и съ утра и до вечера бѣгала по ея громадному, тѣнистому парку, но никогда не спускалась къ рѣчкѣ и ни разу не каталась по ней на лодкѣ. Въ домѣ Изборскихъ всѣ очень боялись воды и Вѣрочкѣ строго было запрещено играть на берегу. Каждую субботу къ семьѣ пріѣзжалъ полковникъ и всякій разъ жена, дочь и всѣ домочадцы встрѣчали его такъ, точно не видались съ нимъ цѣлые годы. Попавши вмѣстѣ съ Изборскими въ эту усадьбу, Леночка обрадовалась, точно малый ребенокъ, стала бѣгать по парку, принялась разводить куръ и занялась огородомъ. Вѣрочка стараясь во всемъ подражать своей наставницѣ, цѣлые дни проводила съ нею около грядокъ, копала землю, сажала, полола, разводила цвѣты. И ея отецъ и мать радовались этому, находили, что она загорѣла и поздоровѣла и что всѣмъ этимъ они обязаны ея гувернанткѣ.

— Только не подходите съ Вѣрочкой къ рѣкѣ, однажды посоветовалъ Леночкѣ полковникъ.

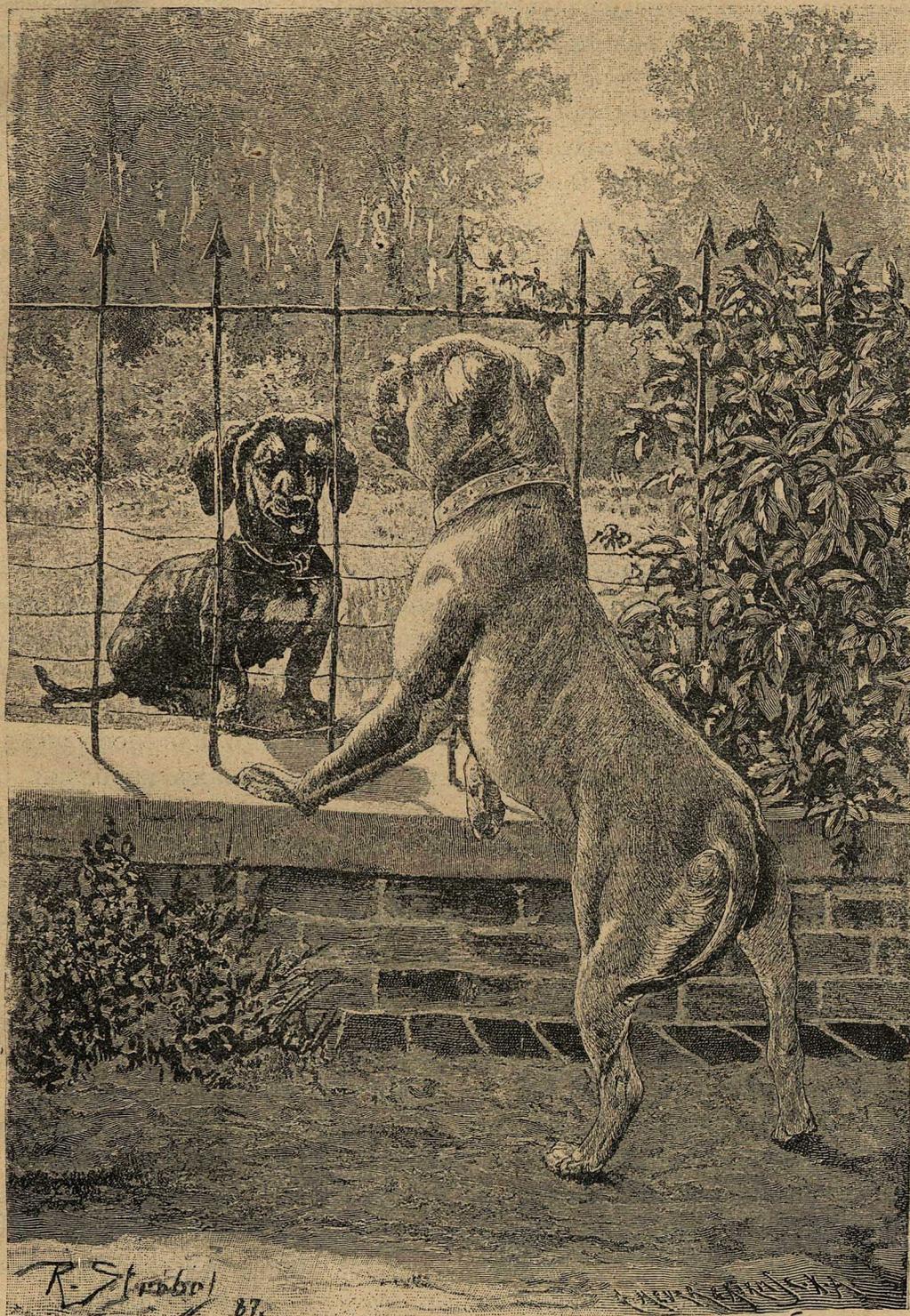
— Почему? спросила она его.

— Такъ... Я прошу васъ объ этомъ!

Леночкѣ было странно, что въ усадьбѣ не купался никто, но еще страннѣе показалось ей поведеніе полковника, когда она читала Вѣрочкѣ вслухъ то мѣсто изъ Робин-



Весна.



зона Крузо, гдѣ описывалась гибель корабля. Онъ подошелъ къ ней, оглядѣлся по сторонамъ и, убѣдившись, что чтенія не слыжала его жена, осторожно вытащилъ изъ рукъ Леночки книгу и отнесъ ее къ себѣ въ кабинетъ.

— Я-бы васъ просилъ, дитя мое, не читать Вѣрочкѣ о кораблекрушеніяхъ и прочемъ тому подобномъ, а въ особенности въ присутствіи моей жены.

Леночка чувствовала, что ему было неловко объ этомъ говорить, но съ этихъ поръ строго исполняла его желаніе.

„Почему-бы это?“ думала она.— „Отчего они не купаются и не читаютъ о кораблекрушеніяхъ?“

Лѣто выдалось холодное и дождливое. Цѣлыми недѣлями шли дожди, но Леночка и Вѣрочка не обращали на нихъ вниманія и все время проводили на огородѣ и въ саду. Случалось, что онѣ приходили домой промокшія до костей, но это ихъ забавляло, онѣ пересидѣвались и снова щебетали по всѣмъ комнатамъ, какъ ласточки, возвратившіяся весной къ своему гнѣзду. Но однажды случилось такъ, что къ вечеру у Вѣрочки повысилась температура и она застучала. Анна Аркадьевна испугалась, уложила ее въ постель и дала ей потогоннаго. Къ утру у Вѣрочки заболѣло горло, а затѣмъ по всему тѣлу появилась краснота. Болѣзнь не имѣла никакого отно-

шенія къ простудѣ, но тотчасъ-же написали въ лагерь къ полковнику и потребовали его къ больной. Онъ прискакалъ съ такимъ видомъ, точно въ домѣ уже лежитъ покойникъ, и увидавъ Вѣрочку въ постели, разволновался еще болѣе и послалъ нарочнаго въ земскую больницу съ просьбой немедленно привезти врача.

— Скажи доктору, что я прошу его бросить все и сейчасъ-же пріѣхать къ намъ, приказывалъ онъ своему кучеру-деньщику.— Попро-си его отъ моего имени, скажи что очень нужно.

Деньщикъ уѣхалъ и черезъ два часа привезъ съ собою земскаго врача. Это былъ молодой красивый докторъ, лѣтъ 27-ми, уже третій годъ лечившій крестьянъ въ своей больницѣ. Распространяя вокругъ себя запахъ карболки, онъ прошелъ черезъ всѣ комнаты прямо къ больной и здѣсь, у ея постели, встрѣтилъ ее встревоженныхъ мать и отца. Онъ познакомился съ ними.

— Земскій врачъ Константинъ Николаевичъ Поповъ! отрекомендовался онъ имъ.

Онъ осмотрѣлъ Вѣрочку и съ ласковой, снисходительной улыбкой объявилъ имъ, что у нея пустяки—краснуха,—что все пройдетъ безъ всякаго леченія, но что лучше, если дѣвочка съ недѣлку пролежитъ въ постелькѣ и будетъ кушать только одну легкую пищу.

Изборскимъ было неловко, что они побезпокоили его изъ-за такихъ пустяковъ и заставили его пріѣхать къ нимъ отъ больницы цѣлыхъ двѣнадцать верстъ, и, чтобы искупить передъ нимъ свою вину, они оставили его обѣдать, потомъ пить чай и продержали его до самаго вечера. Онъ былъ очарованъ ихъ лаской и уѣхалъ отъ нихъ съ такимъ выраженіемъ лица, по которому можно было догадаться, что ему понравилось у нихъ и не хотѣлось отъ нихъ уѣзжать.

— Какой онъ славный! сказалъ полковникъ, проводивъ его и вернувшись въ столовую. Такое пріятное, открытое лицо!

Четыре дня спустя, когда полковникъ пріѣхалъ изъ лагерей къ своей семьѣ на воскресенье, въ усадьбу вдругъ неожиданно пріѣхалъ и докторъ. Шелъ ливня дождь, шумѣли деревья, была середина августа и было темно такъ, что ничего не было видно въ двухъ шагахъ. Когда докторъ подѣхалъ къ усадьбѣ, то объ этомъ узнали только по колокольчику и по шлепанью его двухъ лошадей по грязи. Онъ явился весь мокрый, съ клеенчатой пелериной на плечахъ и вода такъ и сбѣгала ручьями съ него на полъ.

— Здравствуйте! воскликнулъ онъ.—А вотъ и я опять! Ѣхалъ съ практики, да вотъ и заѣхалъ! Мое почтеніе!

Ему обрадовались, обогрѣли, обсушили его и напоили чаемъ. Леночка сбилась съ ногъ, накрывая для него на столъ и устраивая для него комнату, такъ какъ Изборскіе рѣшили не отпускать его и оставить у себя ночевать. Вѣрочка все еще была въ постели, хотя вся краснота у нея уже прошла. Первымъ долгомъ докторъ отправился къ ней.

Она сидѣла на кровати и вырѣзала ножницами картинки. Завидѣвъ доктора, она отъ удовольствія захлопала въ ладоши. Онъ оглядѣлъ ее и сказалъ, что завтра ужъ можно будетъ ей встать съ постели, но не выходить изъ дѣтской. Вся семья вошла въ дѣтскую и усѣлась вокругъ Вѣрочки. Горѣлъ каминъ, свѣтила лампа, было уютно и слышалось, какъ на дворѣ шумѣли деревья и дождь стегалъ каплями по стекламъ. Леночка принесла доктору чай въ дѣтскую и, чтобы Вѣрочкѣ не было скучно одной, рѣшили всѣ остаться въ дѣтской. Разговаривали. Докторъ рассказывалъ анекдоты и случаи изъ своей практики, отъ которыхъ Леночка и Вѣрочка приходили въ восторгъ и весело смѣялись. И когда онъ исчерпалъ весь свой матеріалъ и замолчалъ и наступило всеобщее молчаніе, о которомъ принято говорить что пролетѣлъ тихій ангелъ, Вѣрочка вдругъ вытянула губки и капризно сказала:

— Докторъ, расскажите намъ что-нибудь еще!

Константинъ Николаевичъ улыбнулся, провелъ рукою по волосамъ и, точно собравшись съ мыслями, отвѣтилъ:

— Рассказать вамъ что-нибудь еще? Ну, что-же, извольте! Я расскажу вамъ сейчасъ, какъ я мальчикомъ погибалъ на морѣ.

Полковникъ съ безпокойствомъ поглядѣлъ на Анну Аркадьевну, но остановить доктора было неловко, онъ хотѣлъ было переменить разговоръ, но докторъ уже откашлялся и началъ свой рассказъ.

— Мнѣ было тогда всего десять лѣтъ, сказалъ онъ,—и я только что перешелъ изъ перваго класса гимназіи во второй. Отца и матери своихъ я не зналъ, они умерли ужъ давно, и былъ у меня одинъ только дядя Иванъ Христофоровичъ, который меня очень любилъ и въ награду за отличные успѣхи повезъ меня путешествовать на югъ. Мы сѣли на пароходъ въ Керчи, обогнули весь Крымъ и находились уже по пути въ Одессу, когда спустился вдругъ на море такой густой туманъ, что положительно ничего не было видно впереди. Вмѣстѣ съ нами ѣхалъ одинъ офицеръ съ женой и съ маленькимъ груднымъ ребенкомъ, котораго звали Леночкой, вотъ, какъ и васъ!

И онъ кивнулъ головой Леночкѣ и улыбнулся.

Леночка и полковникъ вздрогнули и насторожились.

— Была ночь, продолжалъ докторъ.—Мы шли малымъ ходомъ, боясь столкновенія, и я все время глядѣлъ впередъ, стараясь различить во мракѣ ночи огни маяка. Офицеръ и его жена отправили няню съ ребеночкомъ внизъ, на покой, а сами, какъ и я, тоже были возбуждены опасностью положенія и тоже старались различить огни. Какъ вдругъ послышался гудокъ какого-то чужого парохода, раздался звукъ колокола и послышался страшный трескъ... Мы столкнулись съ этимъ пароходомъ и должны были пойти ко дну. Я помню, какъ офицерша звала къ себѣ свою няню и дочь... Я самъ носился по палубѣ, не помня и не понимая ничего, и искалъ своего дядю... Но все было напрасно...

Анна Аркадьевна застонала и откинулась на спинку кресла. Полковникъ поднялся во весь свой ростъ и сталъ жадно вслушиваться въ слова доктора.

— Нашъ пароходъ пошелъ ко дну... продолжалъ Константинъ Николаевичъ.—Я бросился въ воду и поплылъ невѣдомо куда...

— Пойдите, докторъ, остановитесь! вдругъ послышался голосъ полковника.—Этотъ пароходъ назывался „Святой Евстафій?“

— Да, отвѣтилъ съ удивленіемъ докторъ.—Развѣ вы слышали объ этой катастрофѣ?

— Продолжайте, продолжайте дальше!

Полковница рыдала. У Леночки вспыхнули щеки, она дрожала съ головы до ногъ и чувствовала, что вотъ-вотъ лишится чувствъ. Одна только Вѣрочка не понимала ничего и удивлялась тому, что такъ волновались ея отецъ и мать.

— Когда я бросился въ море, продолжалъ докторъ,—и сталъ бороться съ нимъ за свою жизнь, мнѣ подвернулся подъ руку какой-то узелокъ. Я схватилъ его и увидѣлъ, что это былъ ребенокъ. Та самая Леночка, которую такъ безнадежно звала къ себѣ на погибшемъ пароходѣ офицерша...

Полковникъ однимъ прыжкомъ подскочилъ къ нему и схватилъ его за плечо.

— И что-же вы сдѣлали съ этимъ ребенкомъ? спросилъ онъ его.

Докторъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на него.

— Что я сдѣлалъ съ тѣмъ ребенкомъ? спросилъ онъ.—Я взялъ его въ зубы и поплылъ съ нимъ къ берегу... Насъ выбросило на какую-то песчаную косу. Когда солнце обогрѣло насъ, то я взялъ ребеночка и понесъ его въ городъ...

Въ этотъ моментъ произошла странная сцена. Леночка вдругъ вскочила съ своего мѣста, подбѣжала къ доктору и, схвативъ его за руку изъ боязни, чтобы отъ волненія не упасть, не дала ему продолжать.

— Остановитесь! закричала она.—Теперь буду рассказывать я!

Глаза ея сверкали, щеки пылали, она выросла вдругъ на нѣсколько вершковъ, докторъ и полковникъ съ удивленіемъ смотрѣли на нее, а она ухватила рукою за сердце и тяжело задышала такъ, точно долго бѣжала.

— Вы, докторъ, взяли этого ребенка, сказала она,—и отнесли его въ пріютъ къ двумъ старушкамъ, которымъ и передали его на воспитаніе... Онѣ приняли эту дѣвочку къ себѣ, воспитали ее, назвали „Леной Ивановой“—и вотъ передъ вами это Лена Иванова сама. Это —я!

И она опрометью бросилась вдругъ изъ дѣтской и скоро вернулась въ нее обратно съ узелкомъ, который быстро развернула и выложила изъ него рубашечку, простынку, чепчикъ и свивальникъ.

— Вотъ, сказала она.—Это тотъ самый костюмъ, въ которомъ вы доставили меня въ пріютъ.

Всѣ стояли, точно пораженные громомъ, и не вѣрили своимъ ушамъ. Казалось, что по комнатѣ вдругъ пронесся ураганъ, который перевернулъ всю жизнь людей вверхъ дномъ и сразу измѣнилъ всю ихъ судьбу.

— Вотъ мѣтка „Е. И“, продолжала Леночка и указала на простынку.—Это всѣ доказательства, которыми я располагаю!

Въ эту минуту Анна Аркадьевна

поднялась со своего стула, подошла къ Леночкѣ и взяла у нея изъ рукъ простынку. Оглядѣвъ мѣтку, она вдругъ радостно вскрикнула, бросилась къ своей гувернанткѣ и, схвативъ ее въ свои объятія, крѣпко прижала ее къ себѣ.

— Леночка! Дорогая моя дочь! залепетала она.—Да неужели-же это правда? Неужели я вижу тебя опять?

— Мамочка! Мама! закричала Леночка.—Дорогая мама!

Она сжала ее въ объятіяхъ, стала цѣловать ее въ щеки, въ глаза, въ губы, въ шею.

Слезы текли у нея по щекамъ и смѣшивались со слезами Анны Аркадьевны и она чувствовала, что радость приступила ей къ горлу, мѣшаетъ ей говорить, и только повторяла:

— Мама! Мамочка! Мама!

Затѣмъ обѣ онѣ сѣли на Вѣрочкину кровать и стали громко плакать. Анна Аркадьевна то и дѣло хватала ее за обѣ щеки ладонями, сжимала ихъ такъ, что изъ губъ Леночки получался бантикъ, и цѣловала. Около нихъ суетился полковникъ, плакалъ, какъ ребенокъ, обнималъ то ихъ, то доктора, то Вѣрочку и все восклицалъ:

— Господи! Господи! Неужели это не сонъ?

А затѣмъ онъ выбѣжалъ изъ дѣтской, пробѣжалъ отъ радости по

всѣмъ комнатамъ, приказалъ денщику позвать всѣхъ и вернулся обратно къ женѣ и дочерямъ съ такимъ видомъ, точно на него свалилось счастье, о которомъ онъ даже и не смѣлъ никогда думать.

Собралась вся прислуга, всѣ чады и домочадцы, и всѣмъ было такъ весело, какъ не было весело еще ни разу въ жизни.

А когда стихли наконецъ первые восторги неожиданнаго свиданья, то полковникъ подошелъ къ доктору, крѣпко пожалъ ему руку и искренно сказалъ:

— Костя,—позволь мнѣ по прежнему называть тебя такъ... Ты спасъ жизнь моей дочери, ты поступилъ какъ герой. Могу-ли я оставаться къ тебѣ неблагодарнымъ? Ты сказалъ, что никогда не зналъ своихъ матери и отца... Позволь же мнѣ и моей женѣ замѣнить ихъ тебѣ, прижать тебя къ сердцу, какъ дорогого, горячо любимаго сына, и не разставаться съ тобой уже болѣе никогда.

Докторъ бросился къ нему на шею, а затѣмъ припалъ къ рукѣ своей второй матери и отъ волненія не могъ ничего говорить.

А на дворѣ по прежнему дулъ вѣтеръ, шумѣли деревья и дождь стучалъ каплями по стекламъ. Но въ дѣтской было весело, тепло и уютно и начиналась новая жизнь, полная радостей и счастья впереди.

— скій.

У Р Ъ К И

Лѣтнивою грядою проходятъ облака
 И солнце такъ и пышетъ на вѣтви лозняка.
 Вонь тамъ—большое стадо привелъ къ рѣкѣ пастухъ
 И звукъ его свирѣли пріятно нѣжить слухъ.
 А тамъ сверкаетъ рѣчка въ зеленыхъ берегахъ
 И неба сводъ весь виденъ въ блистающихъ струяхъ.
 И легкій танецъ пляшутъ стрекозы въ тростникѣ,
 То кверху вдругъ взлетаютъ, то спустятся къ рѣкѣ.
 И такъ кругомъ отрадно, въ лѣсу и на лугу.
 Что такъ и просидѣлъ-бы всю жизнь на берегу!

А. Жиг—скій.

Ш А Р И К Ъ.

Каждый день, въ семь часовъ вечера, пароходъ отправлялся изъ одного города въ другой и къ полудню другого дня возвращался обратно. Его капитанъ Дмитрій Кирилловичъ, каждый разъ взбирался на свой мостикъ за цѣлый часъ до отхода, чтобы лично убѣдиться, все-ли въ порядкѣ и не сдѣлано-ли какихъ-либо упущеній.

Однажды въ декабрѣ снѣгъ палъ такъ долго и такъ густо, что вся палуба была покрыта точно ватой, и капитанскаго мостика не было видно и въ двухъ шагахъ. Дмитрій Кириллычъ цѣлыя сутки не покидалъ его и все глядѣлъ вдаль, чтобы не столкнуться съ какимъ-нибудь другимъ пароходомъ или не налетѣть на рыбацью

лодку. Добравшись до пристани, онъ цѣлые два часа потомъ очищалъ отъ снѣга пароходъ и наконецъ усталый отправился къ себѣ въ каюту, чтобы лечь и отдохнуть. Каково-же было его удивленіе, когда у дверей своей каюты онъ увидалъ большую дворовую собаку, свернувшуюся калачикомъ и всѣмъ тѣломъ вздрагивавшую во снѣ.

— Ты что здѣсь дѣлаешь? крикнулъ на нее капитанъ. — Пошла отсюда вонь!

Собака поднялась и ласково стала лизать ему руку.

— Лежи, Шарикъ, вдругъ слышался чей-то слабый голосъ изъ капитанской каюты.— Не безпокой никого!

Дмитрій Кириллычъ отворилъ

дверь и увидалъ маленькаго мальчика лѣтъ восьми, лежавшаго на полу. При видѣ капитана мальчикъ испугался, вскочилъ и губы его задрожали.

— Какъ ты смѣлъ сюда за-браться? крикнулъ на него капи-танъ. — Какъ ты попалъ на этотъ

силъ все, что попадалось подъ руку.

— Простите... залепеталъ маль-чикъ съ дрожью въ голосѣ. — Я, право, не воръ... Все время шелъ снѣгъ, я такъ прозябъ, что не утерпѣлъ и взшелъ къ вамъ на пароходъ.



У береговъ Англiи.

пароходъ? Кто тебя впускалъ? Теперь я знаю, кто насъ обкрады-ваетъ! Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ при каждомъ нашемъ при-ходѣ сюда, мы стали недосчиты-ваться нашихъ вещей.

И это было дѣйствительно такъ. Стоило только пароходу пристать къ берегу, какъ кто-то невидим-кою прокрадывался въ него и уно-

— Какъ тебя зовутъ?

— Костя.

— Почему-же ты не отправился грѣться къ своимъ родителямъ?

— Родителей у меня нѣтъ, а Софья Егоровна умерла.

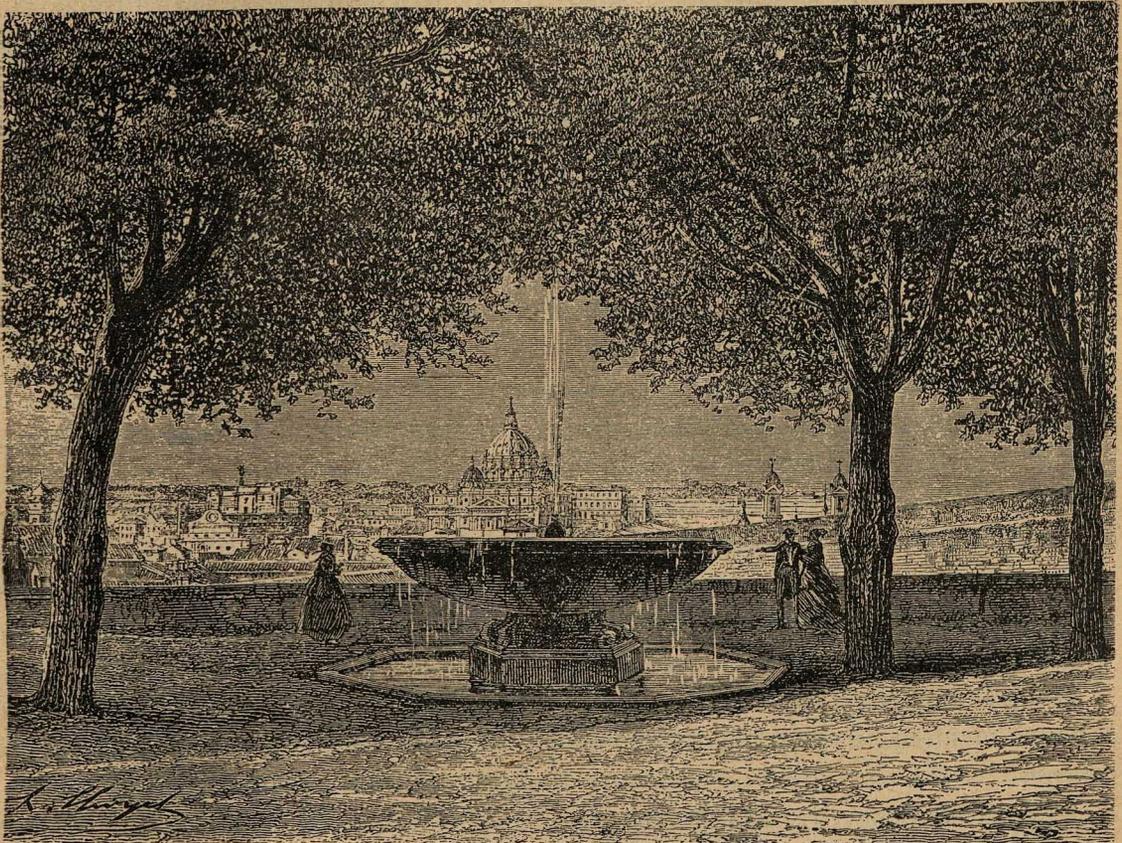
— Кто это Софья Егоровна? Твоя мать?

— Нѣтъ, это добрая старушка, которая нашла меня, когда я былъ

еще ребенкомъ. Я жилъ у нея. Она меня кормила и поила и любила, какъ родного внука. Но вчера она умерла, откуда-то пришли ея дочь съ мужемъ, забрали себѣ все, а меня выгнали вонъ. Я цѣлую

Такимъ тономъ воры не говорятъ и такъ искренно въ глаза не глядятъ. Капитанъ нахмурилъ брови и подумалъ.

— Въ такомъ случаѣ оставайся здѣсь... сказалъ онъ наконецъ.—



Римъ — столица Италіи. Это одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Европы. Въ немъ сохранилось много древностей, по которымъ мы изучаемъ жизнь древнихъ римлянъ. Здѣсь живетъ римскій папа. Вдалекѣ виднѣтся соборъ святого Петра. Въ Римѣ 300 тыс. жителей.

ночь провелъ на улицѣ, не спалъ, озябъ и вотъ... вотъ попалъ сюда.

Мальчикъ говорилъ такъ искренно, что у капитана, несмотря на всю его суровость, не осталось въ душѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его правдивости. Конечно, этотъ мальчикъ не могъ быть воромъ.

Сегодня я отправлюсь обратно, тамъ у меня есть знакомые и можетъ быть я куда-нибудь тебя пристрою. Прогони свою собаку на берегъ. Я не вожу на пароходѣ собакъ. Я грязи не терплю. Поѣдешь со мною ты одинъ!

— Сейчасъ мы уйдемъ вмѣстѣ...

отвѣтилъ мальчикъ и опустилъ глаза.—Шарикъ мнѣ другъ и мы ни за что не согласимся разстаться..

— Ахъ, какія, подумаешь, нѣжности!

И капитанъ поглядѣлъ на собаку. Шарикъ посмотрѣлъ ему въ самые глаза и, казалось, тоже умолялъ его не выгонять ихъ и дать имъ у себя пріютъ. Ему стало жалко ихъ обоихъ. Подъ суровой наружностью Дмитрія Кириллыча скрывалось доброе, сочувствующее сердце.

— Ну, ладно! сказалъ онъ наконецъ.— Оставайся и ты, Шарикъ! Только ты у меня смотри!.. Чуть что,—живо окажешься у меня въ водѣ! Я, братъ, безъ церемоніи... Прямо за хвостъ, да и въ море!

И обратившись къ мальчику, онъ продолжалъ:

— Ты-же за нимъ посматривай!.. Я безпорядковъ не люблю!.. А не то...

И онъ вышелъ, такъ и оставивъ Костю лежать на коврикѣ въ своей каютѣ.

Наступилъ часъ отхода. Въ котлѣ зашумѣли пары, изъ трубы повалилъ густой черный дымъ. Капитанъ уже стоялъ на своемъ мостикѣ и готовился къ отплытію...

„Развѣ приказать, пока еще не поздно“, думалъ онъ,— „чтобы мальчишку выгнали съ парохода на берегъ?.. Впрочемъ, нѣтъ... Грѣхъ!.. Онъ—сирота, брошенъ на произволъ судьбы!.. Тамъ ужъ увидимъ, какъ съ нимъ поступить“...

Съ разрѣшенія капитана, Костя поднялся наверхъ и вышелъ на палубу. Шарикъ слѣдовалъ за нимъ. Пассажировъ было много и, видя мальчика, одѣтаго въ лохмотья, многіе пожалѣли его и сунули ему въ руку кто конфетку, кто пирожокъ. Костя былъ голоденъ и съ аппетитомъ ихъ съѣлъ. Одна дама протянула къ нему гривенникъ, но онъ отказался, заявивъ, что милостыню не беретъ. Затѣмъ онъ куда-то исчезъ.

Отваливъ отъ берега и выйдя въ открытое море, Дмитрій Кириллычъ управился и долгое время искалъ его по всему пароходу.

— Что за исторія?.. ворчалъ онъ.— Куда онъ пропалъ?

Онъ нашелъ его внизу, въ машинѣ, гдѣ было такъ жарко, что трудно было съ непривычки дышать. Костя изо всѣхъ силъ помогалъ тамъ механику, чистилъ, скоблилъ, вытиралъ мѣдныя части и подметалъ разсыпанный мелкій уголь. Работалъ онъ съ увлеченіемъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? крикнулъ на него сверху капитанъ.— Пошелъ отсюда вонъ!

Мальчикъ вздрогнулъ и выронилъ изъ рукъ замасленную тряпку.

— Негоните его отсюда, Дмитрій Кириллычъ! заступился за него механикъ.— Онъ мнѣ помогаетъ такъ, какъ большой. Оставьте его здѣсь!

Капитанъ подумалъ.

— А это—мысль, отвѣтилъ онъ.—

Не помѣстить-ли его намъ сюда? Я поговорю о немъ съ хозяиномъ. Быть можетъ, мнѣ разрѣшать... А собака здѣсь?

— Здѣсь.

— Что она дѣлаетъ?

— Грѣется у котла.

Капитанъ ушелъ.

Каждое утро, передъ прибытіемъ къ себѣ въ городъ, Дмитрій Кириллычъ долженъ былъ встрѣчаться со своимъ начальствомъ и потому всегда прихорашивался, надѣвалъ чистыя тужурку и фуражку и даже прыскался одеколономъ.

— Не желаете-ли я вамъ почищу сапоги? обратился къ нему Костя, увидѣвъ, какъ онъ утромъ расчесывалъ передъ зеркаломъ свои бакенбарды.

Это вниманіе со стороны Кости понравилось капитану и онъ позволилъ ему почистить себѣ сапоги. Увидѣвъ, какъ онъ перебѣгалъ затѣмъ черезъ палубу со щетками и съ ваксой, очень многіе пассажиры предложили ему тоже почистить сапоги и у нихъ. Онъ охотно это сдѣлалъ и въ какіе-нибудь полчаса заработалъ цѣлый рубль. Онъ отнесъ его къ капитану. Дмитрій Кириллычъ взялъ отъ него деньги и положилъ ихъ къ себѣ въ жилетный карманъ.

— Это хорошо, сказалъ онъ, — что ты не утаилъ отъ меня этихъ денегъ. Это твой первый заработокъ и я куплю тебѣ на него теплую

шапку, а то у тебя совсѣмъ дырявый картузь.

Пристали къ берегу. Пассажиры засуетились, заспѣшили, слышались крики носильщиковъ, извозчиковъ и звонки трамвая, стоявшаго на берегу. Каждый отправлялся въ городъ и зналъ, зачѣмъ онъ туда ѣдетъ; одинъ только Костя не зналъ, куда ему дѣваться и что теперь предпринять. Правда, капитанъ пообѣщалъ ему, что куда-то его пристроить, но что, если онъ уже раздумалъ? Что, если онъ высадитъ его на берегъ, въ чужой городъ, въ которомъ Костя не бывалъ никогда и не знаетъ никого? И положивъ руку на голову своего Шарика, онъ стоялъ у двери рубки и безпокойно оглядывался по сторонамъ. Собака печально смотрѣла на своего хозяина, точно хотѣла сказать:—Куда мы теперь пойдёмъ? Что съ нами будетъ?

А снѣгъ все шелъ и шелъ и его хлопья падали Костѣ прямо на лицо и таяли на немъ, такъ что было похоже на то, будто онъ плакалъ. Долго онъ стоялъ такъ, пока наконецъ пароходъ не опустѣлъ совсѣмъ. Капитанъ и всѣ служащіе куда-то ушли, затѣмъ вернулись опять и каждый сидѣлъ у себя въ каютѣ и отдыхалъ послѣ пути и трудовъ.

А между тѣмъ поднялась снѣжная метель. Было холодно, тучи снѣга неслись вдоль берега и не было ничего видно даже въ двухъ ша-

гахъ. Наступилъ вечеръ, давно уже миноваль срокъ отхода парохода, а онъ все еще не снимался съ пристани и не отправлялся въ путь. Приѣхаль какой-то одинъ пассажиръ, повертѣлся на пароходѣ и уѣхаль обратно въ городъ.

— Сегодня пароходъ не поидеть! услышалъ Костя голосъ матроса.— Потому большая метель и мы будемъ здѣсь ночевать!

Около семичасовъ вечера Дмитрій Кириллычъ вышелъ изъ своей каюты и прошелся по пароходу.

— А ты все еще стоишь здѣсь? обратился онъ къ Костѣ, завидѣвъ его у рубки.— А я думаль, что ты грѣшься у машины! Вѣдь здѣсь холодно! Чего ты здѣсь стоишь?

— Я жду васъ... съ бьющимся сердцемъ отвѣтилъ Костя.— Я не знаю, куда мнѣ идти.

— Эту ночь ты проведешь здѣсь! отвѣтилъ капитанъ.

— И Шарикъ тоже?

— Да... А завтра ты его прогонишь на берегъ. Впрочемъ, тамъ видно будетъ! Иди въ мою каюту и расположись тамъ на покой. Сегодня я всю ночь проведу на берегу и вернусь только къ утру. Тебя въ моей каютѣ никто не тронетъ. Устройся тамъ на полу на ковръ, подложи подъ голову мое старое пальто и спи себѣ на здоровье!

Онъ вышелъ, но черезъ минуту снова слышались его шаги. Онъ вернулся къ себѣ въ каюту и нагнулся надъ Костей.

— Ты уже спишь? спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, отвѣтилъ мальчикъ и почтительно вытянулся передъ нимъ во весь ростъ.

Капитанъ нѣсколько помялся и продолжалъ:

— Я не знаю, почему,—но ты внушаешь мнѣ довѣріе. Какъ разъ въ этой самой гавани насъ кто-то всегда обкрадываетъ. Въ этомъ письменномъ столѣ лежитъ все, что я имѣю. Я заработаль это тяжкимъ трудомъ. Я не надѣюсь на своихъ матросовъ. Быть можетъ, воровствомъ сталъ заниматься кто-нибудь и изъ нихъ... Если ты хорошей мальчикъ, то ты будешь лежать здѣсь и въ случаѣ чего—крикнешь сюда боцмана или механика. Во всякомъ случаѣ я на тебя надѣюсь. Я тебѣ вѣрю и самъ не знаю, почему...

И онъ нахлобучилъ себѣ на лобъ башлыкъ и сошелъ на берегъ. Метель закружилась вокругъ него и черезъ двѣ минуты онъ уже исчезъ въ темной глубинѣ ночи. Мелькали мутными пятнами фонари на берегу, шумѣло море и вѣтеръ гудѣлъ въ снастяхъ парохода. Костя поглядѣлъ своему капитану вслѣдъ, а потомъ сошелъ къ нему въ каюту, растянулся на коврикѣ и сладко заснулъ. Шарикъ прикорнулъ къ нему и сталъ грѣть его своей спиной.

Машина погасла и весь пароходъ, казалось, вымеръ или погрузился въ глубокой, заколдованный сонъ.

Какъ вдругъ раздалось злобное ворчаніе Шарика. Костя вскочилъ и протеръ себѣ глаза. Въ первую минуту онъ не сообразилъ, гдѣ находится, и подумалъ, что слышитъ ворчаніе собаки во снѣ.

— Молчи, Шарикъ! тихонько сказалъ онъ.

Собака отвѣтила ему глухимъ ворчаньемъ. Костя проснулся окончательно и поднялся на колѣнки. До него донесся какой-то подозрительный шорохъ. Онъ прислушался и ясно различилъ чьи-то вкрадчивые шаги. Кто-то ходилъ по корридорчику и напаривалъ руками стѣны, очевидно отыскивая дверь въ капитанскую каюту.

Костя храбро поднялся на ноги, тихонько, такъ что почти не было слышно, отворилъ дверь въ корридорчикъ и увидалъ въ темнотѣ какого-то оборванца. Онъ держалъ въ рукѣ карманный фонарикъ и не могло быть никакого сомнѣнія, что это былъ воръ, тихонько забравшійся на пароходъ.

— Тебѣ чего? крикнулъ ему Костя.

Воръ не ожидалъ такой встрѣчи, вздрогнулъ и отступилъ назадъ. Онъ быстро загасилъ свой фонарь и сталъ искать выхода назадъ.

— Тебѣ чего? Кто ты такой? снова храбро спросилъ его Костя.

Воръ вернулся, схватилъ его костлявой рукой за плечо и близко приблизивъ свое лицо къ его глазамъ, злобно прошипѣлъ:

— Молчи! Если ты не будешь молчать, то тебѣ будетъ плохо!

— Я подыму сейчасъ весь пароходъ! закричалъ въ отвѣтъ на эту угрозу Костя.— Ты не смѣешь обворовывать моего капитана!

— Замолчи!.. еще злобиѣе прошипѣлъ незнакомецъ.— Если ты еще пикнешь хотя разъ, то я тебя задавлю, какъ блоху!

И онъ занесъ надъ его головой громадный костлявый кулакъ.

— Шарикъ! крикнулъ Костя и отступилъ назадъ.— Возьми его!

Шарикъ точно ожидалъ отъ него этого приказанія. Съ яростнымъ лаемъ онъ бросился на вора, схватилъ его за одежду и повалилъ его на полъ. Воръ бился подъ нимъ, они оба забарахтались одной общей массой по полу и слышно было только, какъ ворчала собака и какъ въ ужасѣ бился и стоналъ незнакомецъ. А въ это время Костя выбѣжалъ на палубу и изо всѣхъ силъ кричалъ:

— Ко мнѣ! Сюда! Сюда! Идите сюда всѣ!

Боцманъ, матросы и механикъ выскочили на его зовъ и окружили его со всѣхъ сторонъ. Съ встревоженными лицами они стали спрашивать его, почему онъ такъ шумитъ, и онъ спокойнымъ голосомъ, но полный волненія и страха, рассказалъ имъ о томъ, что происходило теперь у капитанской каюты. Они зажгли огни, бросились внизъ и ихъ глазамъ предъ-

ставилась странная картина: на полу лежалъ ничкомъ воръ, а на его спинѣ стоялъ Шарикъ на всѣхъ четырехъ лапахъ и радостнымъ лаемъ торжествовалъ свою побѣду.

— Вотъ такъ собака! говорили матросы.— Ай, да Шарикъ!

Они взяли вора и, громко крича и жестикулируя руками, вывели его на берегъ и передали его властямъ.

А Костя скромно вернулся въ капитанскую каюту, легъ на полу и, какъ ни въ чемъ не бывало, заснулъ сладкимъ сномъ. Къ его спинѣ прижался Шарикъ и грѣлъ его своимъ тѣломъ. Онъ тоже крѣпко спалъ. Ему снилось, что онъ бѣгалъ съ другими собаками по берегу, и лаялъ во снѣ. Но этотъ его лай былъ какимъ-то страннымъ, не похожимъ на его обычный голосъ, и казалось, что онъ горько плакалъ.

Утромъ капитанъ вернулся къ себѣ на пароходъ и ему тотчасъ-же рассказали обо всемъ. Онъ быстро спустился къ себѣ въ каюту и засталъ тамъ умилительную картину: Костя еще спалъ и, обнявши обѣими руками Шарика, крѣпко прижималъ его къ себѣ. Шарикъ боялся пошевелиться и только хлопалъ отъ удовольствія хвостомъ.

— Эй, ты, герой! Вставай! Уже пора! крикнулъ Костѣ капитанъ и потрепалъ его по плечу.

Костя вскочилъ, увидалъ передъ собою капитана и ему стало стыдно, что онъ проспалъ.

— Извините... сказалъ онъ.

А капитанъ притянулъ его къ себѣ, обнялъ его и поцѣловалъ.

— Молодецъ! сказалъ онъ.— Теперь я вижу, что ты настоящій мужчина! Я радъ, что не ошибся въ тебѣ!

Мальчикъ сконфузился отъ похвалъ, опустилъ стыдливо глаза, покраснѣлъ и робко отвѣтилъ:

— Это не я, а Шарикъ...

Капитанъ сталъ гладить Шарика, а Костя быстро принялся за уборку своихъ пожитковъ.

Зашумѣли пары, слышались наверху шаги и загудѣлъ протяжный гудокъ парохода.

— Мнѣ уходить? обратился Костя къ капитану, завязавши все въ узелокъ.— Сейчасъ пароходъ отправится въ путь?

Капитанъ взялъ его за руку и ласково ему отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ты останешься здѣсь, со мной. Я сдѣлаю изъ тебя отличнаго моряка!

Лицо Кости просіяло радостной улыбкой.

— А какъ-же Шарикъ? спросилъ онъ.— Его придется прогнать на берегъ?

Капитанъ подумалъ немного, потомъ тоже улыбнулся и снова потрепалъ собаку по спинѣ.

— Это его-то прогнать на берегъ? воскликнулъ онъ.— Нѣтъ, ужъ извини покорно! Съ такой собакой не расстаются никогда!

И всѣ вмѣстѣ стали плавать изъ одного порта въ другой.



ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Сливки, которыя прокисли, вылили котятамъ.

Какіе здѣсь фрукты?

(Предложили М. и В. Визи).

II.

Когда нагруженный возъ ѣдетъ подь гору, почему мужикъ понукаетъ и бьетъ лошадей?

(Предложила Л. Бояджіанъ).

III.

Названія какихъ птицъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Рѣки Уралъ и Волга впадаютъ въ Каспійское море.

2) У твоего брата Коли бритва безопасная и ею невозможно обрѣзаться.

3) Весь чай караванъ доставилъ на мѣсто черезъ двѣ недѣли послѣ отправленія.

4) Горе любящаго сына было такъ велико, что онъ плакалъ цѣлыми днями.

5) Когда клѣтку этого тигра чинилъ хозяинъ звѣринца, то онъ самъ замѣтно побаивался хищнаго звѣря.

6) Мужики невѣрно сказали, что легче всего отогнать скуку шкаликомъ вина.

7) Во время живой картины дѣвочка была одѣта въ тогу синяго цвѣта.

8) Жившій на дачѣ профессоръ оказалъ этому бѣдняку большую помощь.

(Предложилъ Ш. Горданскій).

IV.

1) Что можетъ быть въ пустомъ карманѣ?

2) Когда разбойники бываютъ посудой?

3) Когда человекъ похожъ на чулокъ?

(Предложила гр. Н. Каменская).

V.

Задуманы четыре слова, означающія:

1) Деревню съ церковью.

2) То, что грѣтъ.

3) Часть ноги.

4) Название десяти западныхъ губерній.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по первому слогу и составить изъ нихъ новое слово, означающее названіе Крымскаго города.

Какія слова задуманы и какой это городъ?

(Предложила Жена Стрекоза).

VI.

Почему рѣки текутъ отъ истоковъ къ устьямъ.

(Предложилъ С. Фохтъ).

VII.

Первую часть крымскаго города составляютъ огороды, а вторую— мѣсто, куда складываютъ дрова, уголь и всякій домашній хламъ.

Какой это городъ?

(Предложилъ С. Коноваловъ - сибирскій казачокъ).

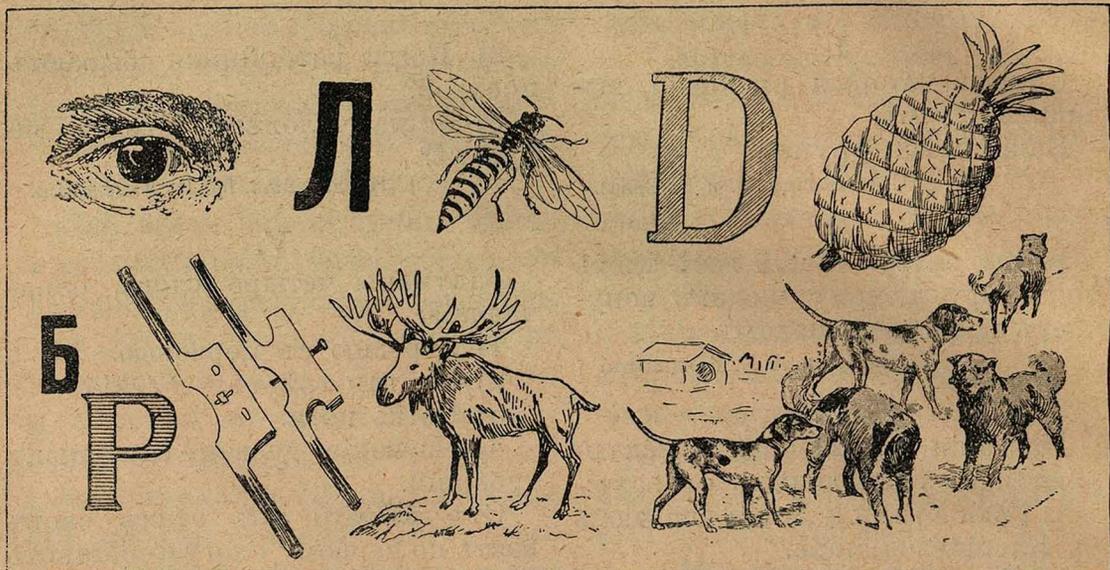
VIII.

Если къ тому, что ожидаетъ преступниковъ, приложить то, на что садятся иногда корабли, то получится вкусное лакомство.

Что это такое?

(Предложилъ В. Поплавскій).

Ребусъ № 10.



Рѣшеніе головоломокъ, шуточныхъ вопросовъ и ребуса № 8, помѣщенныхъ въ № 10 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Потому, что было дождливое лѣто. II. Грачъ, воронъ, нога, ванна. Задуманное слово—Гончаровъ. III. За тендеромъ. По вѣткѣ. IV. Горную. V. Попрыгунья стрекоза лѣто красное пропѣла. VI. Ложка, левъ, чижъ, жена, канавка, жало. Задуманное слово—Лажечниковъ. VII. Собака, ломъ, Малина=Солома. VIII. Лыко, пушка тарелка=лопата. IX. Иголка и нитка. X. Одежда.

Ребусъ № 8. М+ноги+ель+ю+дитя+ж+к+обѣдъ+ст+въ у ютъ=Многіе люди тяжело бѣдствуютъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Витикъ Поплавскій, Женя Жданова изъ Кременчуга, Ляля Цакони изъ Осы, Володя Снитко изъ Поневъжа, Лена и Вѣра Серебренниковы изъ Ташкента, Маруся Нетулицына изъ Черобаева, Лиля Данилова, Оеда Мятёжовъ въ СПБ., Шура Ермакова изъ Касимова, Люси Артоблевская изъ Челябин-

ска, Соломончикъ Солтановъ изъ Златополя, Катя Плотникова изъ Юрьева, Ангелина Луцкая изъ Ростова-на-Дону, Женя и Маргарита Балакшины изъ Кургана, Володя Теремецкій изъ Гатчины, Сережа и Шурикъ Фохты изъ Слонима, Надя Волынская изъ Лодзи, Константинъ Бурцевъ, Миша, Коля и Маруся Побѣдимовы, Соня Безигранова изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, Георгій Грояновичъ-Піотровскій, Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, кто-то безъ подписи: написано зелеными чернилами, гр. Ниночка Каменская, Стасюня Тодеско изъ Гуніба Дагестана, обл., Саня Козловскій изъ Хабаровска, Леля Васильева со ст. Пинскъ, Борисъ Дзѣвновскій изъ Вороновицы, Георгій Читаевъ изъ Пятигорска, Соня, Оеда и Коля Климъ, Ольгердъ и Конрадъ Черноцкіе изъ Суйды, Толя Чернявскій изъ Ростова-на-Дону, Шура Калачева, Коля Ильинъ въ СПБ., Павлуша Соколовъ изъ Тамбова, Сережа Тушканчикъ въ СПБ., Женя Стрекоза въ СПБ., Вара Земляничина, Люба Бояджіанъ изъ Одессы, Адя Пемзеръ изъ Кременчуга, Миля Левинсонъ изъ Пскова, Хамъ Фишманъ изъ Тульчина, Муся, Лидуса и Люся Могильныя изъ Сумъ, Леля Минихъ, Витя Болтуновъ изъ Купянска, Катя Лассавіо, Л. Фигурская, Маня Казакова изъ Троицка, Адя Стрѣлокъ изъ Ивангорода, Коля Давидовичъ-Нацинскій изъ Барнаула, Надя Дилинская, Нина и Шура Ерченко изъ Кіева, Леля Шостаковская изъ Епифани, Нина Кузнецова въ СПБ., Араксія Кегамянцъ, Муся и Володя Визи, Шура Ермальева, Аркадій Лашинскій изъ Кіева, Аня Антушева изъ Павловскаго Посада, Витольдъ Румшевичъ, Галя Ротмистрова изъ Житомира.

Годъ изданія четвертый.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ



«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.



